

КАМЕНЬ И МЕТАЛЛ В ЗЕРКАЛЕ ЛИНГВИСТИКИ

STONE AND METAL THROUGH THE PRISM OF LINGUISTICS

DOI 10.15826/izv2.2022.24.3.045
УДК 81'373.6 + 81'373.22:669.21 +
+ 811.511 + 811.411.14 + 81'42

В. В. Напольских
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
Пермь, Россия

«ПРАУРАЛЬСКОЕ» *WAŠKE 'МЕТАЛЛ, (? МЕДЬ); УКРАШЕНИЕ' И ЕГО «ДЕРИВАТЫ» В ПЕРМСКИХ И УГОРСКИХ ЯЗЫКАХ

Традиционная этимология ПУ **waške* 'металл, (? медь)' имеет большое значение для реконструкции культуры уральского пранарода и времени распада уральского праязыка. В продолжение старых работ и учитывая результаты новейших исследований, эта этимология рассматривается как фиктивная, распадающаяся по крайней мере на три этимологических гнезда: приб.-ф.-морд. **vaša-kive* 'камень для топора' (этимология Т.-Р. Виитсо, где **vaša*- 'топор, тесло' — заимствование из арийского + ПУ **kive* 'камень'), ППерм **veš* 'цветной металл; металлическое украшение', ПСам **wesä* 'металл, металлическое украшение'. Два последних слова могут быть независимыми заимствованиями из языка, близкого к тохарскому (**wəsa* 'золото' < ПИЕ). Восстанавливать праугорское название для металла, связанное с этими этимологиями, не представляется возможным, поскольку венг. *vas* 'железо' (*s* /*š*/ < **č*), хант. **waχ* 'металл; железо' и манс. **wes* в **āθ-wes* 'свинец' фонетически никак не могут быть связаны друг с другом. Мар. *βaž* 'руда' также не может рассматриваться как нормальный рефлекс **waške*, а скорее является семантическим развитием мар. *βaž* 'корень' (< ПФУ). Особую историю имеют названия серебра в пермских (ППерм **āziš* > удм. *azveš*, коми *eziš*) и в венгерском (*ezüst*) языках, которые никак не связаны с другими финно-угорскими названиями металлов и представляют собой заимствование из алан. **æzvestæ* (> осет. *ævzīst* 'серебро'), которое можно датировать второй половиной I тыс. до н. э. — первой половиной I тыс. н. э. Название олова / свинца в пермских и в мансийском языках (ППерм. **os-ves* ~ манс. **āθ-wes*) также этимологически не связаны ни с фиктивным ПУ **waške*, ни с пермско-венгерским названием серебра, но представляют собой общую инновацию, где вторым компонентом выступает ППерм **veš* 'цветной металл; металлическое украшение', а первый компонент — какое-то

цветообозначение (? ‘серый металл’ в связи с венг. *ősz* ‘седой’). Время и место возникновения этого композита — вторая половина I тыс. до н. э. — I тыс. н. э., регион от среднего и нижнего Прикамья на западе до южнотаежного Зауралья на востоке. Возможно, эта инновация связана с развитием феномена пермского и западносибирского «звериного стиля». В статье также рассматриваются некоторые особенности ведения дискуссии в современном финно-угроведении.

К л ю ч е в ы е с л о в а: этимология; названия металлов; серебро; свинец; олово; уральские языки; пермские языки; угорские языки; мансийский язык; индоевропейско-финно-угорские языковые контакты; предыстория

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ, проект 20-18-00269 «Горная промышленность и раннезаводская культура в языке, народной письменности и фольклоре Урала».

Ц и т и р о в а н и е: *Напольских В. В.* «Прауральское» **waške* ‘металл, (? медь); украшение’ и его «дериваты» в пермских и угорских языках // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки.* 2022. Т. 24, № 3. С. 66–81. <https://doi.org/10.15826/izv2.2022.24.3.045>

Поступила в редакцию: 23.03.2022

Принята к печати: 24.06.2022

Vladimir V. Napolskikh

Perm State University

Perm, Russia

“PROTO-URALIC” **WAŠKE* ‘METAL, (? COPPER); DECORATION’ AND ITS “DERIVATIVES” IN THE PERMIAN AND UGRIAN LANGUAGES

The traditional etymology of the PU **waške* ‘metal, (? copper)’ is of great importance for the reconstruction of Proto-Uralic culture and the time of the disintegration of Proto-Uralic. Continuing some older works and considering the results of the latest research, this etymology is considered as fictitious, breaking up into at least three etymological nests: Finnic-Mordv. **vaša-kive* ‘axe-stone’ (etymology of T.-R. Viitso, where **vaša-* denotes ‘axe, adze’, a borrowing from Aryan + PU **kive* ‘stone’), Proto-Perm. **veš* ‘non-ferrous metal; metal decoration’, Proto-Sam. **wesä* ‘metal, metal decoration’. The last two words can be independent borrowings from a language close to Tocharian (**wasa* ‘gold’ < PIE). It is impossible to restore a Proto-Ugric word for metal associated with these etymologies, since Hung. *vas* ‘iron’ (*s [š] < *č*), Khanty **waχ* ‘metal; iron’ and Mansi **wes* in **āθ-wes* ‘lead’ cannot be phonetically related to each other in any way. Mari *βaž* ‘ore’ also cannot be considered a normal reflex of **waške* but is rather a semantic development of Mar. *βaž* ‘root’ (< PFU). The names of silver in the Permian (Perm **özüš* > Udm. *azveš*, Komi *eziš*) and Hungarian (*ezüst*) languages have a special history, they are in no way related to other Finno-Ugric names of metals and are loans from Alanian **æzvestæ* (> Osset. *ævzīst* ‘silver’), which can be

dated to the second half of the I millennium BC — the first half of the I millennium AD. The names of tin / lead in the Permian and Mansi languages (Perm **os-ves* ~ Mansi **āḡ-wes*) are also etymologically unrelated to either the fictitious PU **waške* or the Permian-Hungarian name of silver, but represent a common innovation, where the second component is Proto-Perm **ves* ‘non-ferrous metal; metal decoration’, and the first component is a color designation (? ‘grey metal’ cf. Hung. *ősz* ‘gray-haired’). The composite emerged in the second half of the I millennium BC — I millennium AD, in the region from the middle and lower Kama region in the west to the southern Trans-Uralian taiga forests in the east. Probably, this innovation relates to the development of the Perm and West Siberian “animal style” phenomenon. The article also discusses some features of conducting discussions in modern Finno-Ugric studies.

Key words: etymology; metal names; silver; tin; lead; Uralic languages; Permian languages; Ugrian languages; Mansi language; Indo-European-Finno-Ugrian contacts; prehistory

Acknowledgements

The research was supported by the *Russian Science Foundation*, project 20-18-00269 “Mining Industries and Early Factory Culture in Language, “Naïve” Writing and Folklore of Ural Region”.

For citation: Napolskikh, V. V. (2022). “Praural’skoe” **waške* ‘metall, (? med’); ukrashenie’ i ego “derivaty” v permskikh i ugorskikh iazykakh [“Proto-Uralic” **waške* ‘metal, (? copper); decoration’ and Its “Derivatives” in the Permian and Ugrian Languages]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 24(3), 66–81. <https://doi.org/10.15826/izv2.2022.24.3.045>

Submitted: 23.03.2022

Accepted: 24.06.2022

Данная статья продолжает разработку более общей темы, обозначенной еще в одной из первых моих статей [Напольских, 1989], и частной гипотезы, предложенной в [Napolskikh, 2010]. Во-первых, речь идет об одной из интереснейших в культурно-историческом плане уральских этимологий, известных с XIX в., традиционно реконструируемой как ПУ **waške* ‘какой-то металл; (?) медь’ [UEW, S. 560–561]. Надежная этимология такого рода была бы важным аргументом в дискуссии о характере и времени существования культуры носителей уральского и финно-угорского праязыков в плане знакомства их с металлургией. Этому, однако, мешает проблематичность самой реконструкции как в фонетическом, так и в семантическом плане. Дополнительная проблема — происхождение этого слова, для которого предполагались варианты заимствованного происхождения от дериватов ПИЕ **Hueso-* ‘золото’. Во-вторых, рассматривается происхождение возможных новообразований от ПУ **waške* в пермских и угорских языках, обозначающих серебро и свинец / олово: оно имеет важное значение для решения в том числе и первого вопроса, а также — для понимания истории развития металлургии у предков пермян и угров по обе стороны Урала и у их соседей.

Реконструкция ПУ **waške* в [UEW, S. 560] базируется на следующих данных:

— ф. *vaski* 'руда, медь, бронза', эст. *vask* 'медь, латунь' ~ саам. (Н.) *væi'ke*, (Кильд.) *viešk* и др. 'медь' ~ морд. (э.) *uške*, *viškä*, (м.) *uškä* 'провода, цепь, печочка' ~ мар. *βaž* 'руда' ~ удм. *-veš* в *az-veš* 'серебро', коми *-iś* в *ez-iś* 'серебро' ~ хант. (Вах) *wǎγ*, (Дем.) *wǎχ*, (Обд.) *oχ* 'железо; металл (в композитах — названиях металлов); деньги' ~ манс. (Тав.) *küš* в *ät-küš*, (Кон.) *wəs* в *ḡt-wəs*, (Пел.) *wəš* в *at-wəš*, (С.) *wəs* в *at-wəs* 'свинец' ~ венг. *vas* 'железо' ~ нен. *ješe*, (лес.) *wese* 'железо; деньги', эн. *bese* 'железо', нган. *basa* 'железо, металл' ~ сельк. (Таз) *kezi*, (Кеть) *kwęz* и др. 'железо' ~ камас. *baza* 'железо' ~ матор. *beše* 'железо'.

Материал здесь (прежде всего — в части пермских языков) приведен неполно и, в сравнении с нормативными словарями, с некоторыми искажениями, и это, к сожалению, влияет на возможности реальной научной дискуссии (см. ниже). Но, как бы то ни было, слово представлено буквально во всех уральских языках, но в реконструкции общеуральского этимона имеются существенные проблемы как чисто лингвистического, так и экстралингвистического рода.

ПФУ **waške* корректнее было бы реконструировать как **waś(-ke)*, причем **-ke* без проблем документировано только в прибалтийско-финском, саамском и мордовском: в марийском для ПФУ **-śk-* в норме ожидалось бы **-šk-* (поэтому сходство мар. 'руды' с мар. *βaž* 'корень' следует считать важнейшим аргументом, объясняющим марийское слово), отражение ПФУ **-śk-* в хантыйском как **-γ* также не поддерживается другими примерами — эти сложности обсуждаются в [Ibid.]. Я бы добавил сюда еще и отсутствие каких-либо следов **-k-* в косвенных формах пермских слов — не только в словах 'серебро' и 'свинец / олово' (удм. *azvešani* 'серебрить', *uzvešani* 'лудить' вместо возможных **azveškinj*, **uzveškinj*, *azveše* 'мое серебро' вместо **azveški*), но и в сохранившейся в пермских языках чистой основе **veš* 'украшение' (удм. *veše* 'мое ожерелье', коми *veše* 'милый, дорогой' — см. ниже). Объяснение появления **-ke* в прибалтийско-финско-мордовском было предложено Т.-Р. Виитсо: он выводил эту сугубо западную форму из **vaša-kive*, где **kive* 'камень' (< ПУ), а **vaša* (по-моему, вернее во всех отношениях было бы **vaše*) рассматривал (вслед за А. Парполой и К. Карпеланом) как заимствование из арийского: др.-инд. *vāśī* 'топор, тесло', ав. *vāsī* 'остроконечный нож', осет. *wæs* 'топор, колун': **vaša-kive* > **vaske* букв. 'камень для топора'. Возникновение композита Т.-Р. Виитсо объяснял наличием на юге Карелии, в регионе Онежского озера, самородной меди, которая была известна и использовалась местным населением уже в III тыс. до н. э., а для фонетического развития **vaša-kive* > **vaške* приводил заслуживающую внимания параллель: эст. *veski* 'мельница' < **vesi-kive* 'водный камень' [Viitso, p. 195–196]. Само по себе такое решение выглядит изящным и достаточно приемлемым, но и в таком случае остается проблема хант. **-γ* (попытка Т.-Р. Виитсо привлечь для объяснения хантыйского слова материал северокавказских языков никак не может рассматриваться всерьез), и еще менее вероятным становится принятие самодийской параллели.

ПСам **wesä* ‘железо’ [Janhunen, 1977, S. 175] (точнее было бы восстанавливать значение ‘металл; металлическое украшение’) также не несет никаких следов *-*ke* и, что самое главное, безусловно реконструируется с передним вокализмом (см. в особенности нен. *ješe*), что не позволяет связывать самодийское слово напрямую с финно-угорским. Подобные проблемные по ряду этимологии в прауральском встречаются: ф. *talvi* ~ венг. *tél* ‘зима’, ф. *sappi* ~ венг. *epe* ‘желчь’ и самый известный случай: **kakta* (приб.-ф., саам., морд.) ~ **käktä* ‘два’ (перм. — ?, об.-угор. — ?, венг., самод.) > ф. *kaksi* ~ венг. *két* и т. д., его объясняют тем, что числительные часто подвержены изменениям по аналогии, и **käktä* на западе веляризировалось под влиянием **kolme* ‘три’ [UEW, S. 118–119; Honti, 1993, S. 85–87]. Возможно, какой-то подобный процесс имел место и в случае ПФУ **waške* ~ ПСам **wesä*, но до сих пор никто объяснения в данном случае не предложил. Поскольку на палатальный вокализм указывают и саамские данные, Ю. Янхунен предложил реконструировать ПУ **wäškä* [Janhunen, 1981, s. 225] — опять-таки без специального обоснования веляризации на западе и с сохранением проблемного *-*kä*. Поскольку такого объяснения нет, не менее возможной остается старая версия вторичного сдвига вокализма в саамском в связи с палатальным инлаутом [UEW, S. 560]. Возвращаясь к этимологии Т.-Р. Виитсо (см. выше), следует иметь в виду, что заимствований из арийского в прасамодийском или в прауральском нет (предположение о прауральско-арийском контакте, помимо прочего, еще и просто анахронистично) за исключением небольшого количества позднейших восточноиранских вхождений, датируемых I тыс. до н. э. [Janhunen, 1983; Хелимский, 2000, с. 19, 489–536; Напольских, 2015, с. 110–140], поэтому в случае принятия этимологии Т.-Р. Виитсо ПСам **wesä* неизбежно и однозначно следует отделять от ПФУ **waške*.

Предполагать знакомство носителей уральского праязыка с каким-то металлом достаточно сложно в силу наших (вполне обоснованных) представлений о времени и месте существования уральского праязыка на финальной его стадии (VI–IV тыс. до н. э., таежная зона Урала и Западной Сибири от Камы до Енисея) и о характере реконструируемого уклада жизни уральского пранарода (таежные охотники и рыболовы с материальной культурой мезо- / неолитического типа) [Хайду, с. 138–175; Напольских, 1997, с. 117–141; 2015, с. 10–22]. Наличие одной-единственной этимологии для названия металла выглядит на этом фоне явно слабо, что заставляет внимательнее отнестись ко всем ее недостаткам. Прежде всего, следует рассмотреть возможность трансуральского распространения этого важного термина в более позднюю эпоху, уже после распада прауральского и даже прафинно-угорского единства посредством механизмов ареально-генетических контактов между близкородственными уральскими языками (термин обоснован, и показана реальность работы таких механизмов в [Хелимский, 1982]). Эта возможность принципиально не воспринимается многими лингвистами, работающими в ригидной младограмматической парадигме, сохраняющей свои позиции и сегодня. Однако, если мы пытаемся использовать сравнительно-историческое языкознание как источник для палеоисторических

реконструкций, с ней — несмотря на безусловно порождаемые таким подходом сложности — приходится считаться.

Наконец, что особенно интересно в свете гипотезы о позднем трансуральском распространении данного слова, отдельную проблему представляет собой его вероятно заимствованное происхождение. Попытка придумать собственно уральскую этимологию для **waške* (**wǝšškä* в реконструкции Х. Катца) от, мягко говоря, очень гипотетического ПУ **wǝššz-* (~ **wǝššz-*) ‘сверкать желто-красным светом’ (с очень слабым обоснованием только в диалектах обско-угорских языков: манс. НЛозь., Пел. *wǝš* ‘розоветь, заниматься (о заре)’ (в типологическом плане ср. лат. *aurora* ~ *aurum*), хант. Дем. *wǝštə* ‘желтый, зеленый’) [Katz, S. 255], вполне обоснованно отвергается критикой [Viitso, p. 194] — обско-угорские слова, помимо прочего, могут быть пермскими или иранскими заимствованиями (в связи с коми *vež* ‘зеленый, желтый’ — см. [КЭС, с. 49; UEW, S. 823]). Поэтому гипотеза индоевропейского происхождения рассматриваемого слова остается весьма вероятной. В качестве источника рассматривается какой-то дериват ПИЕ **H₂eso-* ‘золото’ (< **H₂es-* ‘сверкать’; старая реконструкция **auso-* < **aues-*) > лат. *aurum*, саб. *ausum*, прус. *ausis*, лит. *áuksas*, арм. *oski*, тох. А *wäs*, В *yasa* ‘золото’ [IEW, S. 86–87]. Обычное объяснение из арийского (согласно традиционной точке зрения, все древние заимствования индоевропейского происхождения в уральских языках могут происходить только из арийских, затем — иранских языков — о проблемах и ограниченности этой точки зрения см. [Напольских, 2015, с. 110–147]) трудно предполагать в силу полного отсутствия данного корня в арийских языках. Данную сложность предложили разрешить предположением о тохарском заимствовании, при этом допускалась мысль и об обратном заимствовании (поскольку тохарские слова не отделить от италийских и балтских, то, видимо, в праиндоевропейский, что едва ли мыслимо) или о заимствовании из общего третьего источника (в связи с чем вспоминают, например, шум. *guškin* ‘золото’ и т. д.) [Joki, S. 339–340]. Для постулирования урало-тохарских контактов необходимо, однако, показать наличие еще хотя бы нескольких возможных таких заимствований. Единственный второй пример, для которого тохарская версия предполагалась — происхождение финно-пермского названия соли [Ibid., S. 316]. Анализу проблемы происхождения названий соли в уральских языках посвящена моя книга [Напольских, 2022], а возможное наличие двух таких значимых в культурно-историческом смысле кандидатов на тохаризмы в уральских языках привело меня к попытке поиска других примеров такого рода [Napolskikh, 2001]. Предложенные этимологии были неравноценны по качеству и требовали предположения о заимствованиях не из прямого предка известных тохарских языков, а из языка, который не оставил живых прямых потомков, но был близок тохарским (паратохарского). Этот аспект проблемы привел к неприятию гипотезы урало-тохарских контактов [Widmer], дискуссия оказалась невозможной, и, понимая уязвимость своей позиции и недостаточность материала, я оставил эту тему. Поэтому считать, что возможность тохарского происхождения названия ПУ **waške* обоснована как гипотеза, видимо,

не приходится. Возможно — особенно в свете приведенной выше этимологии Т.-Р. Виитсо для приб.-ф.-морд. **vaske*, — в качестве тохарского (сепаратного) заимствования следует рассматривать только ПСам **wesä*, — помимо прочего, именно эта форма ближе всего к пратохарской (**wasa-*).

В целом, по-видимому, следует принять мнение о сепаратном происхождении разных названий металлов, объединяемых в этимологическое гнездо ПУ **waške*. И если для ПСам **wesä* можно принять (при всех оговорках) тохарскую версию, а для прибалтийско-финского (или даже для прибалтийско-финско-мордовского) — этимологию Т.-Р. Виитсо, то особый интерес представляет интерпретация пермских и угорских данных: можно ли видеть в них особое, не связанное ни с самодийским, ни с прибалтийско-финским словом заимствование из какого-то третьего источника (или, может быть, собственную инновацию) — или они могут быть объединены в одно гнездо с одной из этих этимологий? Дальнейшее изложение в основном воспроизводит и корректирует наблюдения и выводы, сделанные в [Napolskich, 2010].

Пермские данные на самом деле гораздо объемнее и имеют иные, гораздо более сложные и определенные внешние связи, чем это показано в [UEW, S. 560]:

— удм. *azves* ‘серебро’ ~ коми *ezis* ‘серебро’ [КЭСК, с. 331–332] — ни в коем случае не могут рассматриваться отдельно от венг. *ezüst* ‘серебро’ [EWU, S. 346] и осет. (ирон.) *ævzist*, (диг.) *ævzestæ* ‘серебро’ (< **æzvestæ* ‘звездный (металл)’ — от «скифо-европейской» изоглоссы, отраженной, в частности, в рус. *звезда*) [ИЭСОЯ, т. 1, с. 212–214];

— удм. *uzves* ‘олово’ (с прилаг. ‘белый’), ‘свинец’ (с прилаг. ‘черный’) ~ коми *ozis* ‘олово, свинец’ (с теми же прилагательными) [КЭСК, с. 203] — нельзя отделять от манс. (С.) *ätwəs*, (Пел.) *oätwəš*, (Кон.) *oätkwəš*, (Тав.) *äitkhuš* ‘свинец’ [WogW, S. 58] (соответственно, невозможно объединять это слово с предыдущим) и тогда можно видеть в этом слове композит, второй компонент которого сохраняется в пермском в чистом виде:

— удм. *ves* ‘украшение (как правило, металлическое: бусы, мониста)’: *azves* ‘нагрудное украшение из серебряных монет’ (*az* ‘перед, передний’), *kusilves* ‘украшение в виде ленты-перевязи через плечо, обшитой серебряными монетами’ (букв. ‘перегнутный пополам *ves*’) и др. [УдРС, с. 79] ~ коми (Уд.) *veše* ‘голубчик, дорогой’, букв. ‘мое сокровище, моя драгоценность’ [КЭСК, с. 68–69].

Таким образом, в пермских языках мы имеем: 1) чистую основу **ves* ‘(металлическое) украшение’ (ср. в нганасанском и энецком языках то же развитие ПСам **wesä*) и два разных слова, одно из которых представляет собой композит, возможно, с этой основой; 2) **oz-ves* ‘олово, свинец’ — с параллелью в мансийском, а второе заимствовано из аланского и в удмуртском приобрело новый облик по аналогии с предыдущим; 3) **az-ves* ‘серебро’ — с параллелями в венгерском и осетинском. Подобно удмуртскому названию серебра, развитие **oz-ves* в коми *ozis* совершенно нетривиально может быть объяснено лишь как результат влияния названия серебра (алан. **æzvestæ* или даже форма уже более близкая к осет. *ævzist* > ППерм **äzüs*). Сравнение удмуртских и коми слов показывает,

что удмуртские (с сохранением *-veš*) фонетически сближаются с мансийским **āt-wəs* 'свинец', а коми (со странным переходом *-veš > -jś*) — с венг. *ezüst* и осет. *ævzīst* 'серебро'. Гипотезу о ППерм **āzūs* подтверждает факт фиксации для удм. *azveš* 'серебро' по крайней мере в одном архаичном тексте старой диалектной (кукморской в современной диалектологической терминологии) формы **aziś* (привожу в оригинальной орфографии):

Азыҫ но зундэс ҫотиҫлы
Зарням зундэс ҫотысалмы;
Милемыз туган шеиҫлы
Луийосмэс шори карысалмы.

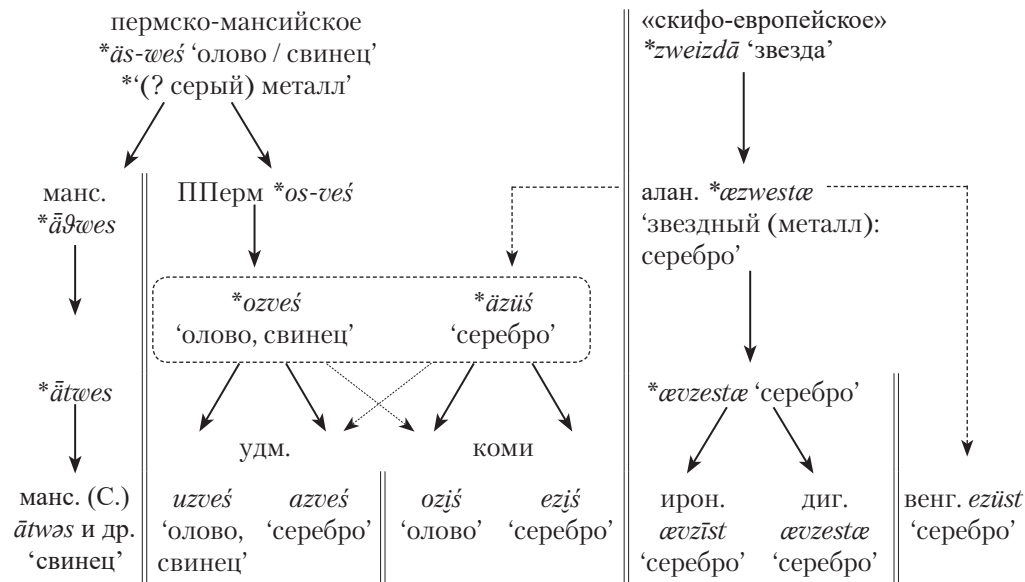
[Гаврилов, с. 115]

«Дающему серебряное (азыҫ) кольцо
Позолоченное кольцо мы бы дали;
С называющим нас родными
Душу свою мы б разделили».

Эти обстоятельства однозначно указывают на то, что происхождение слов 'серебро' и 'олово, свинец' в пермских языках следует рассматривать отдельно, и, если для названия олова / свинца действительно можно предполагать композит со вторым компонентом **veš* (ППерм **oz-veš* ~ манс. **āt-wəs < *ās-weš*), то для названия серебра такой композит не восстанавливается, и следует исходить из праформы типа **āzweš(t)* (в языке-источнике) > ППерм **āzūs* (учитывая венгерское и осетинское слово). Высказываемое в разных финно-угроведческих изданиях мнение о пермском заимствовании в венгерском [EWU, S. 346] несостоятельно, потому что *-t* в венгерском может происходить только из осетинского, а осетинское слово имеет собственную, не связанную с пермскими этимологию [ИЭСОЯ, т. 1, с. 212–214]. Предположение о заимствовании названия серебра из аланского в пермский и венгерский не вызывает никаких фонетических сложностей, и датировать его можно (судя по хронологии фонетических изменений, отраженных в сармато-аланской эпиграфике) периодом второй половины I тыс. до н. э. — первой половины I тыс. н. э.

Итак, следует полагать, что перед нами — два совершенно разных по происхождению слова: 1) композит со вторым компонентом *veš*, который сохранился в пермских языках в чистом виде в значении '(металлическое) украшение' и мог бы быть сопоставлен с рассмотренным в начале статьи проблематичным ПУ **waške* (если бы оно само не было фикцией), — ППерм **oz-veš* ~ манс. **āt-wəs*, общую праформу для которых следует восстанавливать как **ās-weš* с неясным первым компонентом (возможно — обозначение цвета, в связи с чем интересно венг. *ősz* 'седой, серый'). Говоря об общей праформе, я, естественно, ни в коем случае не имею в виду прафинно-угорскую этимологию: это безусловно локальная поздняя (вторая половина I тыс. до н. э. — I тыс. н. э.) общая инновация в пермском и мансийском, и истоки ее, судя по сохранению чистой основы **veš* в пермском и отсутствию ее следов в угорском, следует искать западнее Урала; 2) алан. **æzvestæ* 'серебро', заимствованное (скорее всего независимо) в венгерский (*ezüst*) и пермский (**āzūs > коми eziś, удм. *aziś*). В удмуртском и коми следует предполагать вторичное сближение обоих слов и переоформление их внешнего облика по первому образцу в удмуртском и по второму — в коми.

Схематически изложенная здесь версия (несколько модифицированная по сравнению с [Napolskich, 2010]) может быть представлена следующим образом:



Эти, казалось бы, ясные и прямо вытекающие из материала выводы, однако, вызвали совершенно неожиданную критику со стороны одного из самых уважаемых представителей старой школы финно-угроведения — Л. Хонти. Рассмотрение ее полезно в двух смыслах: для проверки сделанных здесь выводов и для понимания методов и проблем ведения научной дискуссии в современном финно-угроведении.

Статья Л. Хонти посвящена, собственно говоря, не рассматриваемой здесь теме, а проблемам реконструкции ПУ / ПФУ консонантизма и, безусловно, весьма интересна и ценна. Однако, его интерпретацию предложенных в моих работах этимологических решений никак нельзя признать ни корректной, ни приемлемой.

Для подкрепления «правила Хонти» о нетривиальном развитии ПФУ *s > ПУг *ʒ > венг. s/fV_ как в ПФУ *pesä > *peʒz-kkz > *feʒz-kkz > fészék ‘гнездо’ (обычно ПФУ *-s- > ПУг *-ʒ- > венг. -Ø-), для которого за пределами единственного венгерского примера обнаружались (Е. А. Хелимским) только три типологические параллели в маторском [Хелимский, 1987; 2000, с. 218–220], привлекается рассматриваемое здесь венг. ezüst ‘серебро’, которое Л. Хонти возводит к ПФУ *äsj-wašky ‘какой-то светлый металл’ и которое, якобы, является «безупречной праформой» для всех пермских названий и серебра и олова / свинца (коми ez-iś ~ удм. az-veś, коми oz-iś ~ удм. uz-veś), а также и для манс. (С.) ātwāś и др. Мансийское слово позволяет восстанавливать как ПФУ *äsj-wašky,

так и ПФУ **ät̥j-wašky*, а ПФУ *-*t*- системно дает венг. -*z*-, поэтому для венг. *ezüst* ПФУ **ät̥j-wašky* было бы ближе. Но Л. Хонти предпочитает **äs̥j-wašky*, поскольку пермские данные здесь показательнее, и, кроме того, в этом случае можно найти в возникновении *ezüst* иллюстрацию к «правилу Хонти» — возникновение *z* в венгерском объясняется следующим образом: ПФУ **äs̥j-wašky* > ПУг **äθ̥j-wašky* — здесь **š* второго компонента композита «частично ассимилировало **θ*» > правенг. **äs̥j-wašy*, в котором **s* подверглось «спорадическому озвончению», что и дало, в конечном счете, *ezüst*. Не буду комментировать «спорадическое озвончение», тем более, что, как пишет Л. Хонти «отдельные элементы этого праязыкового слова в дочерних языках (в пермских, мансийском и венгерском) были замутнены и поэтому, возможно, пережили неожиданные звуковые изменения» [Honti, 2019, с. 125].

Очевидно, что для Л. Хонти существуют только те слова, которые приведены в этимологическом гнезде ПУ **waške* в [UEW, S. 560], и именно поэтому я констатировал выше, что неполнота материала в UEW мешает нормальной дискуссии. Однако, нельзя не заметить, что для исследователя столь высокой квалификации непозволительно безоглядно следовать некачественному (в данном случае) источнику — тем более, что он далее обсуждает мою статью, в которой отсутствующие в UEW данные приводятся. Очень странно выглядит рассмотрение в одном гнезде с дериватами ПУ **waške* венг. *ezüst* (нормальным рефлексом **waške* считается венг. *vas* 'железо', хотя и он не совсем нормальный — см. ниже), которое давно никем из серьезных исследователей не привлекается как возможный дериват ПУ **waške* (в том числе и в UEW), а осет. *ævz̥ist*, которое по крайней мере от венгерского слова отделять никак нельзя, для Л. Хонти просто не существует. Проблемы возникновения нетривиальных рефлексов в коми решаются ad hoc, ссылкой на «неожиданные звуковые изменения», венг. *z* — на «спорадическое озвончение». Различные внешние связи пермского 'серебра' и 'олова / свинца' (см. выше) просто не упоминаются и не рассматриваются, оба слова просто смешиваются друг с другом.

Самое интересное, что при этом Л. Хонти знаком с моей статьей, где все указанные проблемы разобраны. Говоря о ней, он пишет, будто бы я «считаю возможным первую часть пермских и венгерских данных возводить к (?ПФУ) **ōś*, значением которого могло быть 'белый'». При этом «ПФУ **ō* является, естественно, нелепостью как с точки зрения пермских, так и венгерского, а **ś* нужно Напольских из-за венг. *sz*, поскольку ПУ / ПФУ **ś* депалатализировалось в **s* (= венг. *sz*)». Мне приписывается восстановление странной прафинно-угорской формы с **ō* только потому, что оппонент не понимает сути предлагаемого мною решения о том, что здесь отнюдь не праязыковая реконструкция, а поздняя общая инновация, возникшая в ходе ареально-генетических контактов пермских и угорских (или, скорее, только мансийского) языков (форма же ***ōś* — то, что можно было бы предполагать, если первая часть композита связана с венг. *ōsz*, не более того). Далее Л. Хонти пишет: «основа идеи с семантической точки зрения рациональна, но помимо этого этимологические изыскания данного автора

почти во всех отношениях можно забыть» — и приводит в качестве обоснования негативную оценку моих тохарско-уральских изысканий П. Видмером [Widmer]. О тохарско-уральской проблеме см. выше, но какое значение может иметь эта критика в вопросе рассмотрения происхождения пермско-мансийских названий олова / свинца — понять невозможно.

Подводя итог своим рассуждениям, Л. Хонти пишет: «мансийское слово вряд ли можно отделять от пермских и венгерского, несомненно следует считаться с палатальным вокализмом первого слога, согласный был определенно *s, из которого можно объяснить и перм. z, и манс. t, а венг. z объяснено в предыдущем абзаце». Затем Хонти практически поддерживает мою идею о том, что первая часть композитов ‘свинец, олово’ **ās* может, в конечном счете, восходить к одному этимону с венг. *ősz* ‘седой’ < ПФУ **äs̥j* / **es̥j* ‘белый, серый’ [Honti, 2019, с. 125] — со вторичной палатализацией, связанной, возможно и с омонимией с венг. *ősz* ‘осень’. С последним тезисом можно было бы согласиться — если бы речь не шла вновь о «неожиданном звуковом изменении», но другого решения предложить не представляется возможным. Мансийское слово «вряд ли можно отделять» от венгерского, видимо, потому, что это нужно для подтверждения «правила Хонти» на примере венг. *ezüst* — в то время как рассмотрение этих слов как принадлежащих к совершенно разным этимологическим гнездам является единственным и первым условием продуктивного анализа проблемы (см. выше). Еще раз стоит заметить, что осетинского названия серебра Л. Хонти просто не желает упоминать.

Таким образом, можно наблюдать некоторые — достаточно типичные, как показывает опыт (см., например, аналогичные наблюдения по поводу новейшей критики урало-юкагирского родства со стороны А. Айкио [Napolskich, 2020, S. 285 pass.], те же особенности в значительной степени свойственны и упомянутой уже статье [Widmer]), для современных научных дискуссий в финно-угроведении (а может быть, и не только) особенности. Прежде всего — произвольный отбор материала, если этот материал удобен для положений, защищаемых исследователем, и отказ от рассмотрения реальных проблем, если они неудобны. В то время как для собственных построений не считается странным предполагать «спорадические» и «неожиданные» переходы, любые этимологические решения, предлагаемые другими исследователями, исчерпываются альтернативой: либо строгая праязыковая реконструкция, либо не стоящая внимания ерунда. Никакие возможности взаимных заимствований между близкородственными языками, возникновения общих инноваций в рамках ареально-генетических связей не принимаются во внимание. Агрессивное неприятие вызывает возможность существования древних языков (парауральских), относящихся к той же группе, близкородственных тем, что нам известны, но не оставивших прямых языковых потомков, в силу чего отдельные их особенности могут быть реконструированы только на основе отдельных заимствований в известных нам языках. А между тем, былое существование таких языков и их важнейшая роль в языковых процессах несомненно следует из простого знакомства с древней

языковой ситуацией в любом регионе мира, о котором у нас есть хоть какая-то информация. К сожалению, ведение продуктивной дискуссии при таких подходах едва ли возможно.

Суммируя итоги этого краткого обсуждения, осмелюсь утверждать, что предложенная мною гипотеза происхождения пермского, венгерского и осетинского названий серебра, с одной стороны, и пермского и мансийского названия олова / свинца — с другой, является единственным приемлемым решением и может отвергаться только при условии всех указанных выше особенностей ведения дискуссии. Поставленные в начале статьи вопросы сегодня могут быть в основном решены следующим образом:

1. ПУ **waške*, по-видимому, является фикцией, реконструировать даже это единственное обозначение какого-то металла для уральского праязыка не представляется возможным. Традиционно выписываемая праформа, реконструированная на основе ф. *vaski* не может быть принята в том числе и потому, что для прибалтийско-финского (или даже для прибалтийско-финско-мордовского) возможна реконструкция композита **vaša-kive* 'камень для топора' (этимология Т.-Р. Виитсо).

2. Надежно реконструируется ПСам **wesä* (< **wešä*) в значении 'металл; металлическое украшение', которое может быть заимствованием из языка, близкого к пратохарскому (**wasa* 'золото' < ПИЕ).

3. Достаточно близкое к ПСам **wesä* ППерм **veš* 'цветной металл; металлическое украшение' может иметь то же происхождение, но было заимствовано, скорее всего, независимо от ПСам **wesä*, поскольку ни в угорских, ни в прибалтийско-финско-мордовских и марийском языках нет следов формы типа **wešä*.

4. Название серебра в пермских (ППерм **äziš* > удм. *azveš*, коми *ezjś*) и в венгерском (*ezüst*) языках никак не связано с другими финно-угорскими названиями металлов и представляет собой заимствование из алан. **æzvestæ* (> осет. *ævzīst* 'серебро'), которое можно датировать второй половиной I тыс. до н. э. — первой половиной I тыс. н. э. и локализовать в регионе нижнего Прикамья и башкирского Приуралья, где, очевидно, в этот период (во второй его половине прежде всего) имели место трехсторонние пермско-венгерско-аланские контакты.

5. Название олова / свинца в пермских и в мансийском языках (ППерм. **os-veš* ~ манс. **āḡ-wes*) представляют собой общую инновацию, где вторым компонентом выступает ППерм **veš* 'цветной металл; металлическое украшение' (что указывает на исконно пермскую, а не мансийскую локализацию возникновения данного композита), а первый компонент пока не ясен, — возможно, это какое-то цветообозначение (? 'серый металл'), которое можно сблизить с венг. *ősz* 'седой' — если возможно предполагать вторичную палатализацию **s* в этом слове. Время и место возникновения этого интересного композита в самом общем виде можно определить как вторая половина I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. в регионе от среднего и нижнего Прикамья на западе до южнотаежного Зауралья на востоке. Заманчиво было бы связывать эту инновацию с развитием феномена пермского и западносибирского «звериного стиля».

6. Происхождение и истоки венг. *vas* ‘железо’ (где *s* [š] указывает на прформу с *č, вовсе ни на что не похожую), хант. **waχ*, также не сопоставимого с другими словами уральских языков, включаемыми в гнездо **waške*, нуждается в дальнейшем объяснении. Во всяком случае, оба эти слова нельзя сопоставлять напрямую с манс. **wes* в **āš-wes*, и перспектива реконструкции праугорского названия металла на базе этих данных остается более чем туманной.

7. Мар. *βaž* ‘руда’ не может рассматриваться ни как нормальный рефлекс фиктивного ПУ **waške*, ни как нормальная параллель к приб.-ф.-морд. **vašakive*. Не подлежит сомнению близость этого слова к мар. *βaž* ‘корень’ (< ПФУ), и совершенно не исключено, что значение ‘руда’ является просто вторичной инновацией.

Сокращения

В названиях языков

ав.	авестийский	приб.-ф.-морд.	(пра)прибалтийско-финско-
алан.	аланский (древнесетинский)		мордовский
арм.	армянский	прус.	древнепруссский
венг.	венгерский	ПСам	прасамодийский
др.-инд.	древнеиндийский	ПУ	прауральский
камас.	камасинский	ПУг	праугорский
коми	коми (Уд. — удорский)	ПФУ	прафинно-угорский
лат.	латинский	рус.	русский
лит.	литовский	саам.	саамский
манс.	мансийский (Кон. — Конда, НЛозь. — нижняя Лозьва, Пел. — Пелым, С. — северный (Северная Сосьва), Тав. — Тавда)	саб.	сабинский
мар.	марийский	самод.	самодийские
матор.	маторский	сельк.	селькупский (Таз — Таз, Кеть — Кеть)
морд.	мордовские (м. — мокшанский, э. — эрзянский)	тох.	тохарский (А — тохарский А (кашарский), В — тохарский В (кучанский))
нган.	нагасанский	удм.	удмуртский
нен.	ненецкий (лес. — лесной ненецкий)	ф.	финский
об.-угор.	обско-угорский	хант.	хантыйский (Вах — Вах, Дем. — Демьянка, Обд. — обдорский)
осет.	осетинский (ирон. — иронский, диг. — дигорский)		
перм.	пермские		
ПИЕ	праиндоевропейский	шум.	шумерский
ППерм	прапермский	эн.	энецкий
приб.-ф.	(пра)прибалтийско-финский	эст.	эстонский

Источники

ИЭСОЯ — Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка : в 5 т. М. ; Л. : Наука, 1958–1995.

КЭСК — Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. 2-е изд. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1999.

УдРС — Удмуртско-русский словарь / ред. В. М. Вахрушев. М. : Рус. язык, 1983.

EWU – Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen / Hrsg. von L. Benkő. Budapest : Akadémiai kiadó, 1993–1994.

IEW – *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern : Francke, 1959.

Janhunen J. Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki : Suomalais-ugrilainen seura, 1977. (Castrenianumin toimitteita ; 17).

UEW – Uralisches etymologisches Wörterbuch : Bd. 1–3 / Hrsg. von K. Rédei. Budapest : Akadémiai kiadó, 1988–1991.

WogW – Wogulisches Wörterbuch / gesamm. von B. Munkácsi ; hrsg. von B. Kálmán. Budapest : Akadémiai kiadó, 1986.

Исследования

Гаврилов Б. Г. Поверья, обряды и обычаи вотяков Мамадышского уезда, Урясь-Учинского прихода. Казань, 1891. (Труды 4-го археологического съезда в России ; т. 2)

Напольских В. В. Исторические импликации двух уральских этимологий // Советское финно-угроведение. 1989. Т. 25, № 2. С. 81–83.

Напольских В. В. Введение в историческую уралистику. Ижевск : Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1997.

Напольских В. В. Очерки по этнической истории. Казань : Казанская недвижимость, 2015.

Напольских В. В. Названия соли в уральских языках. СПб. : Маматов, 2022.

Хайду П. Уральские языки и народы / пер. с венг. Е. А. Хелимского ; под ред. К. Е. Майтинской ; предисл. Б. А. Серебrenникова. М. : Прогресс, 1985.

Хелимский Е. А. Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели. (Лингвистическая и этногенетическая интерпретация). М. : Наука, 1982.

Хелимский Е. А. Правило Хонти для венг. *fészek* и его аналог в маторско-тайгийско-карагаском языке // Советское финно-угроведение. 1987. Т. 23, № 1. С. 57–60.

Хелимский Е. А. Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. М. : Языки русской культуры, 2000.

Honti L. Die Grundzahlwörter der uralischen Sprachen. Budapest : Akadémiai kiadó, 1993. (Bibliotheca uralica ; 11)

Honti L. Bemerkungen zum Bestand der dentalen Spiranten der U/FU/Ug Grundsprache // Урал-алтайские исследования. 2019. № 4 (35). С. 119–135

Janhunen J. Uralilaisen kantakielen sanastosta // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1981. Vol. 77. S. 219–274.

Janhunen J. On early Indo-European-Samoyed contacts // Symposium saeculare Societatis Fenno-Ugricae. Helsinki : Suomalais-ugrilainen seura, 1983. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne ; Vol. 185). P. 115–127.

Joki A. J. Uralier und Indogermanen. Die älteren Berührungen zwischen den uralischen und indogermanischen Sprachen. Helsinki : Suomalais-ugrilainen seura, 1973. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne ; Vol. 151).

Katz H. Studien zu den älteren indoiranischen Lehnwörtern in den uralischen Sprachen / aus dem Nachlaß hrsg. von P. Widmer, A. Widmer und G. Klumpp. Heidelberg : Carl Winter Universitätsverlag, 2003.

Napolskikh W. Tocharisch-uralische Berührungen: Sprache und Archäologie // Early contacts between Uralic and Indo-European: Linguistic and Archaeological Considerations. Papers presented at an international symposium held at the Tvärminne Research Station of the University of Helsinki, 8–10 January 1999 / ed. Chr. Carpelan, A. Parpola, & P. Koskikallio. Helsinki : Suomalais-ugrilainen seura, 2001. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne ; Vol. 242). P. 367–383.

Napolskikh W. Über die Herkunft der Benennungen ‘Silber’ und ‘Blei/Zinn’ in den permischen Sprachen // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. 2008/2009. Bd. 32/33. Hamburg, 2010. S. 447–460 (переиздано в: [Напольских, 2015, с. 320–329]).

Napolskich W. Jukagirisch und Uralisch: was bleibt übrig? // *Kiel joug om šild. Festschrift zum 65. Geburtstag von Eberhard Winler* / hrsg. von H.-H. Bartens, L.-G. Larsson, K. Mattson, J. Molnár und T. Savolainen. Wiesbaden: Harrassowitz, 2020. (Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica; Bd. 94). S. 279–300.

Viitso T.-R. Early metallurgy in language: the history of metal names in Finnic // *A linguistic map of prehistoric Northern Europe* / ed. by R. Grünthal & P. Kallio. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2012. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne; Vol. 266). P. 185–200.

Widmer P. *Nugae uralo-tocharicae* // *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. 2002. Bd. 24/25. P. 171–178.

References

Gavrilov, B. G. (1891). Pover'ia, obriady i obychai votiakov Mamadyshskogo uezda, Urias'-Uchinskogo prikhoda [Beliefs, Rituals, and Customs of the Votyaks of Mamadysh District]. *Trudy 4-go arheologicheskogo s"ezda v Rossii*, 2. Kazan.

Hajdu, P. (1985). *Ural'skie iazyki i narody* [Uralic Languages and Peoples] (E. A. Helimskij, Trans.). Moscow: Progress.

Helimskij, E. A. (1982). *Drevneishie vengersko-samodiiskie iazykovye paralleli. (Lingvističeskaja i etnogenetičeskaja interpretacija)* [Most Ancient Hungarian-Samoyed Language Parallels]. Moscow: Nauka.

Helimskij, E. A. (1987). Pravilo Honti dlja veng. *fészek* i ego analog v matorsko-taigiiskokaragasskom iazyke [Honti's Rule for Hung. *fészek* and Its Analogue in the Mator-Taigi-Karagass Language]. *Sovetskoe finno-ugrovedenie*, 23(1), 57–60.

Helimskij, E. A. (2000). *Komparativistika, uralistika. Lektsii i stat'i* [Comparative Studies, Uralic Studies. Lectures, Articles]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury.

Honti, L. (1993). Die Grundzahlwörter der uralischen Sprachen. *Bibliotheca uralica*, 11. Budapest: Akadémiai kiadó.

Honti, L. (2019). Bemerkungen zum Bestand der dentalen Spiranten der U/FU/Ug Grundsprache. *Uralic and Altaic Studies*, 4 (35), 119–135.

Janhunen, J. (1981). Uralilaisen kantakielen sanastosta. *Journal de la Société Finno-Ougrienne*, 77, 219–274.

Janhunen, J. (1983). On Early Indo-European-Samoyed Contacts. In Symposium saeculare Societatis Fenno-Ugricae. *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*, 185, 115–127. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura.

Joki, A. J. (1973). Uralier und Indogermanen. Die älteren Berührungen zwischen den uralischen und indogermanischen Sprachen. *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*, 151. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura.

Katz, H. (2003). *Studien zu den älteren indoiranischen Lehnwörtern in den uralischen Sprachen*. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag.

Napolskich, W. (2001). Tocharisch-uralische Berührungen: Sprache und Archäologie. In Chr. Carpelan, A. Parpola, & P. Koskikallio (Eds.), *Early Contacts between Uralic and Indo-European: Linguistic and Archaeological Considerations. Papers Presented at an International Symposium Held at the Tvärminne Research Station of the University of Helsinki, 8–10 January 1999* (pp. 367–383). Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura.

Napolskich, W. (2010). Über die Herkunft der Benennungen 'Silber' und 'Blei/Zinn' in den permischen Sprachen. *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*, 32/33, Jahrgang 2008/2009, 447–460.

Napolskich, W. (2020). Jukagirisch und Uralisch: was bleibt übrig? In H.-H. Bartens, L.-G. Larsson, K. Mattson, J. Molnár, & T. Savolainen (Eds.), *Kiel joug om šild. Festschrift zum 65. Geburtstag von Eberhard Winler* (pp. 279–300). Wiesbaden: Harrassowitz.

Napolskikh, V. V. (1989). Istoricheskie implikatsii dvukh ural'skikh etimologii [Historical Implications of Two Uralic Etymologies]. *Sovetskoe finno-ugrovedenie*, 25(2), 81–83.

Napol'skikh, V. V. (1997). *Vvedenie v istoricheskuiu uralistiku* [Introduction to Historical Uralic Studies]. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the RAS.

Napol'skikh, V. V. (2015). *Oчерки по этнической истории* [Essays on Ethnic History]. Kazan: Kazanskaia nedvizhimost'.

Napol'skikh, V. V. (2022). *Nazvaniia soli v ural'skikh iazykakh* [Words for Salt in the Uralic Languages]. St Petersburg: Mamatov.

Viitso, T.-R. (2012). Early Metallurgy in Language: The History of Metal Names in Finnic. In R. Grünthal, & P. Kallio (Eds.), *A Linguistic Map of Prehistoric Northern Europe* (pp. 185–200). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.

Widmer, P. (2002). *Nugae uralo-tocharicae*. *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*, 24/25, 171–178.

Напольских Владимир Владимирович

доктор исторических наук,
член-корреспондент РАН
старший научный сотрудник
лаборатории теоретической и прикладной
фольклористики
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
614990, Пермь, ул. Букирева, 15
E-mail: vovia@udm.ru

Napol'skikh, Vladimir Vladimirovich

Dr. Hab. (History), Corresponding Member
of the Russian Academy of Sciences
Senior Researcher
Centre for Theoretical and Applied Folklore
Studies
Perm State University
15, Bukirev Str., 614990 Perm, Russia
Email: vovia@udm.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1549-9639>
Scopus AuthorID: 56156684200; 57190497345
WoS ResearcherID: AAO-5643-2020